

Д.А. Правдин

**ЗАПИСКИ
ВОЕННОГО ХИРУРГА**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
П68

Правдин Д.А.

П68 Записки военного хирурга. / Дмитрий Правдин. —
Москва: Издательство АСТ, 2018. — 384 с. — (Медицинский
бестселлер).

ISBN 978-5-17-109537-6

Талантливый молодой хирург получает заманчивое предложение о работе. Его приглашают стать заведующим хирургического отделения военного госпиталя. Престижная должность, высокий оклад и, казалось бы, тихое местечко. Не тут-то было! Герою книги предстоит познакомиться с не самой привлекательной изнанкой армейских будней.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Подписано в печать 29.06.2018 г. Формат 60×90¹/₁₆.

Усл. п. л. 24,0. Тираж экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ISBN 978-5-17-109537-6

© ООО «Издательство АСТ», 2018

ЖУРНАЛ УЧЕТА ЖУРНАЛОВ

Я, восхищаясь, замер у заиндевелого окна на шестом этаже ординаторской хирургического отделения многопрофильной больницы и тайно залюбовался мягким пушистым снегом, падавшим с просвинцованного петербургского неба, словно бы из гигантской перьевой подушки, распоротой на всю длину, когда равнодушный телефонный звонок оторвал от приятного созерцания. Мне нравилось наблюдать, как ослепительно-белые рыхлые хлопья непрерывным потоком неслись вниз и укрывали серый мегаполис пушистым мягким ковром, превращая его в потрясающей красоты сказочный град. Черные грязные просеки улиц, проложенные сквозь хмурые серые шумные кварталы спального района и засеянные однообразными тусклыми многоэтажками, на глазах превращались в фантастические замки, выкрашенные в свежий молочный цвет. Раздетые до наготы убежавшей вместе с ветрами осенью деревья и неказистые, лишенные листвы колючие кусты шиповника, высаженные по периметру больницы, за считанные минуты обрядились в пушистые шубы, скрыв свою неприглядную обнаженность

Телефон не умолкал, надрывался, недовольно подрагивая в боковом кармане моего белого халата, требуя незамедлительно обратить на него внимание. Я со вздохом отвел взгляд от промерзшего окна и взял аппарат в правую руку.

— Добрый день, это Дмитрий Андреевич Правдин? — поинтересовался энергичный приветливый женский голос на том конце провода. — Поздравляю, вы прошли по конкурсу, — бодро продолжила собеседница, после того как я подтвердил свою личность. — Поэтому мы приглашаем вас на должность заведующего хирургическим отделением в военно-морской госпиталь.

— Ба! — удивился я. — Вспомнили, наконец. Я свое резюме еще в конце августа прошлого года направлял, как только прочел ваше объявление на сайте работ в интернете. А сейчас, простите, уже начало февраля.

— Извините, но мы тогда поспешили и приняли другого человека, а он нас, к огромному сожалению, не устроил, — уже с меньшим энтузиазмом вздохнула собеседница. — Вы были вторым в очереди на рассмотрение. А теперь, стало быть, первый.

— Нда-а-а, — многозначительно протянул я и крепко задумался.

— Дмитрий Андреевич, — испуганно поинтересовался голос, прервав затянувшуюся паузу, — так вы, значит, отказываетесь?

— Как вам сказать? В августе прошлого года я бы с превеликим удовольствием перешел к вам, а сейчас...

— Извините, — вежливо прервала меня девушка. — Вот вы же сейчас простым, рядовым хирургом работаете, а, судя по вашему резюме, вы долгое время возглавляли крупное хирургическое отделение на Дальнем Востоке. Неужели вам не хочется опять стать заведующим? Или в простых врачах вам комфортней?

— Разумеется, — замялся я, — быть заведующим хирургическим отделением, да еще в Питере, куда привлекательней должности рядового ординатора. Однако

прошло почти полгода, и я вот так с ходу не готов вам дать положительный ответ.

— Ладно, — тускло согласилась трубка, — это ваше право. Только учтите, начальнику госпиталя очень ваше резюме понравилось, и он бы желал видеть вас у себя заведующим хирургическим отделением. Разумеется, после личной беседы с ним. Так что ему передать?

— А, — махнул я рукой, — передайте, что я готов с ним встретиться! В конце концов, за просмотр денег не берут, да и не каждый день предлагают стать заведующим отделением в славном городе Санкт-Петербурге.

Через два дня, чавкая подтаявшим ноздреватым снегом и с опаской переступая мутные с кусочками тонкого льда лужицы, я неспешно подошел к величественному старинному госпиталю, расположенному недалеко от устья Невы, что стоит почти в самом историческом центре города.

Еще издали я невольно залюбовался монолитными крепкими зданиями, составляющими единый ансамбль этого прославленного учреждения. В центре возвышается бывший княжеский трехэтажный особняк, постройки конца XVIII века, подаренный в прежние времена их владельцами морскому ведомству для устройства в нем «гошпиталя» для военных моряков. Третий этаж особняка был надстроен в 30-е годы прошлого века, но общего вида не портил, а наоборот, гармонично дополнял архитектурную красоту. В стороны от него простираются достроенные позже остальные лечебные корпуса. Их роскошные царственные фасады смотрят на одну из главных водных артерий Северной столицы. Закованная в серый с темными проплешинами лед река и переброшенный через нее известный во всем мире каменный мост с четырьмя башенками

дополняют ощущения, что ты находишься в старом дореволюционном Петербурге.

И вот я уже преодолел казенно-строгие ворота КПП и с замирающим от нахлынувшего на меня восторга сердцем проследовал во внутренний двор. Увы, тут картина броско менялась. Покосившийся, на ладан дышащий забор из белого кирпича, невидимый глазу с центрального входа, обветшавший внутренний фасад с огромной трещиной в половину стены и облупленная во многих местах штукатурка произвели неприятное остужающее впечатление. Словно вылили на мою горячую голову ушат ледяной воды. Да-а-а, ремонт бы тут явно не помешал, и ремонт основательный. И причем, судя по расширяющейся кверху трещине, хорошо бы не откладывать в долгий ящик. Зато подведомственная территория, как и полагается настоящему объекту министерства обороны, сияла идеальной чистотой и радовала глаз безукоризненным порядком.

О славной истории госпиталя красноречиво свидетельствовал ухоженный памятник погибшим в годы Великой Отечественной войны морякам-балтийцам, устроенный в глубине двора. У его подножия лежали кроваво-красные живые гвоздики.

Однако, войдя в штаб, где помешался кабинет начальника госпиталя, я вновь оказался разочарован. Такой махровой разрухи, господствующей внутри приличного и крепкого на вид здания, я уж никак не ожидал застать. На всех этажах властвовал откровенный разгром. Всюду стояли какие-то пустые старые шкафы, сломанные стулья, скрипящие диваны, укутанные в облезлый дерматин, кучки строительного, и не только, мусора, ободранный, много дней не мытый линолеум и замызганные стены, обшитые разохшимися, давненько не кра-

шенными досками. Складывалось впечатление, что его хозяев застигла врасплох война и они, спешно собрав лишь самое необходимое, быстро сбежали, побросав впопыхах остальное добро.

Огромное семиэтажное здание штаба госпиталя постройки середины 80-х годов выглядело не только брошенным, но и пустынным. Из всего имущества, доступного обзору, в хорошем состоянии оставалась только серая мраморная доска с выбитым Указом Президиума Верховного Совета СССР о награждении Госпиталя орденом Ленина за подвиги, совершенные его персоналом в суровые годы Великой Отечественной войны, прикрепленная на самом видном месте — на стене у центрального входа.

Побродив минут десять по покинутым людьми этажам, я начал сомневаться: а не ошибся ли часом адресом? Возможно, не туда попал? Тут, на мое счастье, довольно громко скрипнула в конце коридора второго этажа разошедшаяся дверь, и в просвете мелькнула полная женская фигура. Милейшая тетенька доступно разъяснила мне, куда нужно следовать. Попутно она шепнула по секрету, что из-за отсутствия уборщиц большинство лестничных пролетов закрыто на замок, поэтому к начальнику можно попасть только на лифте. И лифт тут своеобразный: вместо необходимого мне пятого этажа надобно было нажать цифру «6», а когда поеду назад, то «2», так как первая кнопка приведет в подвал. И все команды надлежит дублировать засаженной кнопкой с лаконичной надписью «Пуск».

Начальник госпиталя, Марат Иванович Волобуев, оказался среднего роста суровым мужчиной лет сорока с бритой наголо головой и небольшими «белогвардейскими» черными усиками над плотно стиснутыми тон-

кими губами, в черной морской форме с золотистыми погонами подполковника. Улыбнувшись лишь уголками рта, подполковник гостеприимно усадил меня напротив себя на жесткий стул, сам же удобно развалился в мягком высоком кресле. Чаю не предложил.

Кабинет у него оказался под стать штабу весьма задрипанным и настойчиво требовавшим изрядного ремонта. Новой была только большая карта Санкт-Петербурга и его окрестностей, висевшая у начальника за спиной и раскрашенная на военный манер разными цветными стрелочками и кружочками. На столе у него валялись какие-то, видимо, весьма важные, бумаги и огромная кипа «Военно-медицинского журнала» за прошлый и этот годы.

— Не скрою, Дмитрий Андреевич, меня ваше резюме сильно впечатлило! — без предисловий, по-военному, перешел к делу подполковник. — Хотелось бы, чтоб вы вкратце рассказали о себе, а после я дам вам свой ответ.

— Ответ на что? — изумился я такому повороту событий.

— Подходите ли вы нам на должность заведующего хирургическим отделением или нет? — пришел черед удивляться Марату Ивановичу.

Я не стал спорить, доказывая, что желание работать в их госпитале у меня не так ярко выражено, особенно после того, что я увидел вокруг, а взял, да и в течение пяти минут выложил свою незатейливую биографию.

— Ну, что ж, — довольно крякнул начальник госпиталя, когда я завершил свое повествование, — я полагаю, что вы нам подходите. Можете прямо сейчас написать заявление о приеме на работу.

— А вы не хотите узнать мое мнение на этот счет?

— Ваше мнение? — Волобуев недовольно посмотрел на меня. — А для чего вы тогда сюда пришли? Разве не на работу устраиваться?

— На работу, — согласно кивнул я, — но никак не ожидал, что так вот сразу и нужно выходить.

— А что вас смущает?

— Многое! Во-первых, я еще окончательно не решил, пойду ли я к вам работать или нет. Все же с августа месяца прошлого года, когда я так рвался в ваши ряды, уже много воды утекло. Во-вторых, я еще не уволился с прежнего места работы. И, в-третьих, самое главное, вы не озвучили тот фронт работ, который, если я все же соглашусь, мне предстоит осваивать. Простите, по тому, что тут увидел, — я многозначительным взглядом обвел обшарпанные стены и затертый до дыр линолеум на полу, — у меня сложилось впечатление, что у вас тут не совсем все благополучно.

— Нда-а-а, — протяжно выдохнул начальник госпиталя, машинально погладив правой рукой бритый затылок, — вы правы, состояние дел у нас не на высоте. А в хирургии и вовсе полный завал. Вам, если вы, разумеется, согласитесь у нас работать, — Марат Иванович многозначительно посмотрел мне в глаза, — придется многое начинать с нуля.

— Что-то в подобном роде я и предполагал! — слегка улыбнулся я, давая понять собеседнику, что настроен на позитив. — Трудностей я не боюсь! Не впервой, знаете ли. А почему в таком прославленном учреждении и такой, как бы это помягче сказать... упадок? Или это военная тайна?

— А чего тут таить?! — Марат Иванович с силой махнул рукой, как бы отгоняя от себя невидимого врага. —

Вы же помните, наверное, что был у нас такой министр обороны — Толя Табуреткин?

— ???

— Его так прозвали за то, что в свое время он начал как директор мебельного магазина. А потом двинули его на повышение — всеми вооруженными силами страны командовать. Вот и докомандовался.

— А-а-а, что-то припоминаю: пресловутые его реформы о реорганизации армии? Сокращение, увольнение и тому подобное?

— Так точно! — тяжело вздохнул подполковник и с силой сжал свои неслабые кисти в мощные кулаки. — Он тогда чуть всю армию не развалил! Вот и госпиталь этот тоже чуть не закрыл. Тут же раньше тысяча коек было! Больше двадцати отделений! Из них более половины — хирургического профиля. Уникальный коллектив, уникальный опыт и наработки. Ведь госпиталь принимал раненых почти со всех войн, начиная с Крымской кампании, в которой еще поручик Лев Толстой, принимал участие. Большинство наших врачей прошло не одну «горячую точку». И все чуть коту под хвост не пошло. Госпиталь закрыли, людей разогнали. Территорию едва-едва не пустили с молотка. Слава Богу, вовремя остановились. Теперешний министр, наоборот, стал все восстанавливать. Но это только начало! Разруха стоит страшная, как после настоящей войны!

— Да я уж заметил!

— Вот только в августе прошлого года нам разрешили открыть хирургическое отделение. Начали набирать штат. Объявили, как и положено, конкурс. Мне еще тогда ваше резюме понравилось, — Волобуев опять посмотрел мне в глаза, но уже мягче и как бы добрее, —

но пришел приказ взять на место заведующего одну даму.

— Даму?! — я чуть не упал со стула. — Заведующим хирургическим отделением в военно-морском госпитале решили назначить женщину?

— Увы, — подполковник потупил взор, — ничего не смог тогда с этим поделать! Мне буквально ее навязали! Ох, и хлебнули же мы с ней горя! Ладно, дело прошлое. Мало того, что она оказалась сугубо гражданским лицом, так еще и... — он набрал в легкие побольше воздуха и, резко выдохнув, не закончил предложения. — Насилу от нее избавились. В общем, хирургию нужно поднимать с колен и вытаскивать из той пустоты, куда она угодила. Там сейчас та-а-акой бардак! Так что, если вас такой расклад устроит, то милости просим!

— Хорошо! Я, в принципе, согласен! Начнем реанимировать хирургическое отделение, — я попытался широко улыбнуться, но вышло как-то неубедительно.

— Да вы не переживайте, — уловив мое настроение, впервые за все время разговора начальник госпиталя по-доброму взглянул на меня, — там ничего сложного нет. Главное — чтоб был порядок в отделении, а все остальное приложится. Главное — чтоб был идеальный порядок! Порядок во всем!

Я не придавал тогда особого значения, можно сказать, ключевым словам. Если сказать честно, так и вовсе пропустил их мимо ушей. Что значит «порядок»? По-моему, хирургические отделения никогда не тонули в грязи и антисанитарии. На то она и хирургия!

Первого марта начался мой первый рабочий день в качестве заведующего хирургическим отделением в военно-морском госпитале. Поднимаясь на третий этаж, где располагалось вверенное мне отделение,

я невольно задержался у копии картины Айвазовского «Девятый вал», висевшей на выкрашенной в тускло-синий цвет широкой стене в резной деревянной раме, сработанной под темную бронзу. Первое, что бросилось мне в глаза — это прояснившееся небо на заднем плане и небольшие волны вокруг спасшейся шестерки моряков. Хороший, как мне показалось, знак в начале карьеры.

У входа в отделение меня встретил понурый лопоухий солдатик бледного вида в казенном коричневом халате с пришитым застиранным подворотничком, сидящий сбоку от входа у облупленной стены на поскрипывающем стуле с белым инвентарным номером на задней ножке. Узнав, кто я такой, служивый живо вытянулся во фронт и дрожащим голосом объяснил, как найти старшую медсестру.

Так как предыдущую заведующую уволили, не дождавшись моего появления, а исполняющий обязанности руководителя отделения доктор был сегодня вызван в головной госпиталь, то в курс дела меня вводила старшая сестра Елена Андреевна Гладышева — красивая статная женщина чуть за сорок в белоснежном халате и высоком синеватом колпаке, идеально ей подходивших.

— Вот ваш кабинет, — негромко звякнув ключом, строго произнесла Елена Андреевна, отворяя давно не крашенную дверь с выцветшей красной табличкой «Заведующий хирургическим отделением».

— Спасибо! — благодарно кивнул я старшей сестре, принимая из ее рук увесистую связку дверных ключей. — А что так много?

— Тут еще не все, — приветливо улыбнулась Елена Андреевна. — Если хотите, то...

— Не хочу! — остановил я ее рукой, давая понять, что все ключи мне пока ни к чему. — Оставлю только от своего кабинета, а остальные пускай остаются у вас, — я вернул ей ключи от ванной комнаты, от обоих выходов в отделении, от входа на чердак, от перевязочной и от черт знает чего еще, оставив у себя только ключ от кабинета заведующего.

— Да, но у заведующего хирургией должны находиться все дубликаты ключей отделения! — попыталась возразить старшая сестра.

— Пустое! — отмахнулся я. — Буду еще забивать голову какими-то ключами. Других дел, что ли, нет?

Внутренний вид кабинета здорово опечалил меня. Он смахивал на своих грустных собратьев, обитавших в штабе. Просторная комната с внушительным двухметровым окном и высоким, под пять метров потолком хранила в себе старую, выдавшую виды мебель, покрытую толстым слоем едкой серой пыли. Отвратно пахло табачным дымом, уже вьевшимся в покрытые светло-коричневым оргалитом стены, и очень так гадко несло из треснувшей раковины, присобаченной в правом от входа углу под тусклым краном для мытья рук. Продавленный, в каких-то подозрительных пятнах плюшевый диван уже сам просился на помойку, а покрытый заляпанным, в мутных разводах стеклом письменный стол просил заменить ему подкосившуюся ножку. Скрипящие колченогие стулья, числом семь, нестройным рядом выстроились вдоль левой стены. И над всем этим витала разруха и скорбь по былому величию. Единственным приличным образцом мебели мне показался относительно новый книжный шкаф, стоявший слева от загаженного мухами окна и доверху набитый какими-то толстыми папками и книгами в потертых переплетах.

— Можете пока у меня в кабинете поселиться, или в ординаторской, — мягко предложила старшая медсестра, перехватив мой недоуменный взгляд, внимательно изучающий обстановку в кабинете. — Пока ребята тут порядок наведут.

— Так, а что же ребята раньше его не навели? — протер я указательным пальцем покрытый густой пылью подоконник, оставив на нем заметный след.

— Не знаю, — пожалала плечами Елена Андреевна. — Предыдущую заведующую все устраивало. Да и потом, вдруг у вас какие свои пожелания будут?

— Да пожелания одни, — я открыл кран и смыл с пальца налипшую пыль, — как можно скорее избавиться от всего этого хлама и получить новую мебель. Единственное, что можно оставить, так это книжный шкаф. Он тут самый, на мой взгляд, приличный образец мебели. Естественно, все эти макулатурного вида папочки, что покоятся внутри, немедленно выбросить на помойку.

— Насчет новой мебели — тут глухо как в танке! — невозмутимо сообщила старшая сестра. — А, как вы их обозвали «макулатурного вида папочки», — это важные документы, которые очень пригодятся для вашей дальнейшей работы, — она особенно нажала на слово «очень».

— Что же в них такого особенного? — покосился я на собеседницу, пытаюсь повернуть заржавевший шпингалет на оконной раме, чтоб открыть разохшуюся форточку.

— Лучше не трогайте окно руками, а то еще рама, не дай Бог, целиком выпадет на улицу, потом отвечай! — громко предупредила Елена Андреевна. — Вначале его нужно как следует укрепить!

— Так, а что раньше-то не укрепили? — нахмурился я, убирая руки прочь от окна. Оно и вправду не внушало доверия, а из разохшейся и обветшавшей рамы заметно потянуло свежей струей холодного воздуха.

— Предыдущее начальство вполне устраивало, — тяжело вздохнула старшая сестра. — Вызовем столяра, он что-нибудь придумает.

— Скажите, а пластиковое окно нельзя будет установить?

— Пластиковое? — она неприкрыто улыбнулась. — Хорошо если это хотя бы починят! Тут же старинное здание, тем более эта стена выходит на проезжую часть городского проспекта, и нужно особое разрешение муниципальных властей на замену окон. Кто возьмется хлопотать?

— Ладно, пластиковое окно не получится вставить, но почему же не починили в свое время имеющееся? Рама же не вчера разохлась! Вон как сквозит! — я поднес руку к щели и явственно ощутил ледяной поток, идущий с улицы. — Что, предыдущую заведующую устраивал такой бардак?

— Ой, и не вспоминайте! — старшая сестра в сердцах махнула рукой. — Ее все устраивало, кроме работы! Вы чувствуете, какой тут запах? И это мы еще неделю проветривали! К ней в кабинет со всего госпиталя на перекур почти все местные курильщики собирались. Она всех, добрая душа, привечала! Одних окурков после нее чуть ли не ведро вынесли!

— Похоже, не все вынесли, — я подошел к дивану и заглянул за его спинку. — Вон еще куча «бычков» валяется! — ткнул я пальцем в покрытые пылью и пеплом окурки с характерными следами от яркой помады на сморщенных фильтрах.